

О
МУЖЕ(Н)СТВЕННОСТИ

Сборник статей

Составитель С. Ушакин

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2002

Элиот Боренштейн

АХ, «АНДРЮША», НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАЛИ... НАЦИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННЫХ «МУЖСКИХ» ЖУРНАЛОВ*

В современной России порнография занимает особое место, отражающее двойственный характер этого явления в современной постсоветской действительности. Порнографические тексты и имиджи можно обнаружить сегодня на прилавках газетных киосков, в Российской Федерации они повсеместно циркулируют в прессе, на телевидении и даже на магазинных пакетах для покупок.

В то же время порнография постоянно фигурирует в списке «стандартных зол» посткоммунистической эпохи. СПИД, проволочный арсенал как научный, так и публичных дискуссий о самой опаснейшей болезни. Порнография, таким образом, оказалась одной из немногих вещей соприкосновения россиян самых разных политических взглядов и устремлений.

Феминистки, как в России, так и на Западе, по традиции используют порнографию — наряду с бытовым хулиганством, сутенерством, сексуальной эксплуатацией женщин на рабочих местах — как пример, подтверждающий существование кризиса, в котором оказалась страна. Согласно их тезису, коммунисты и националисты СПИДУ как примерам разложения, занесенного в Россию из «загнивающих» Европы и Америки (Goscilo, 1996, Сп. 61).

* Перевод с английского Марины Валиной.

¹ Данная статья является первой попыткой научной дискуссии на тему современной русской порнографии. Метод исследования, которым пользовался Г. Уилко, отрицает цензуру, но тем не менее подходит к вопросу с традиционно феминистской позиции, определяя порнографию как «практику и презентацию сексуальной субординации, при которой женское подчи-

АХ, «АНДРЮША», НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАЛИ...

Неудивительно, что те, кто непосредственно производят порнографию, стремятся представить свою деятельность в более позитивном свете. Рассматривая порнографию в историческом контексте, можно наблюдать постоянное багализирование между экономическими интересами и политическими мотивами, стимулирующими порнографическую литературу часто рассматривалась как форма политической сатиры (Нил, 1996а; Нил, 1996б; Вайль, 1996), в то время как в Америке в XX в. возможность циркуляции порнографических материалов подтверждала наличие в обществе политических свобод. В последние годы существование Советского Союза свобода слова оказалась почти синонимом сексуальной свободы, либеральные политические газеты и журналы не только обещали на своих страницах назидательные передовицы с откровенностью статей внутри выпуска?

И производителей порнографии, и их оппонентов объединяет уверенность в политической значимости этого явления, хотя их интерпретации часто прямо противоположны друг другу. Например, видят знамение постоталитарных свобод, их скептические противники находят лишь свидетельство неумирающих традиций. Так, Елена Гошילו утверждает, что

если западная порнография является политическим продуктом капиталистической экономической системы, то в Советской России политика была порнографическим продуктом утопической фантазии, не ограниченной этическими нормами. (см. Goscilo, 1996, 160)

Идентификация «порнографического» элемента в советском утопическом сознании представляется исключительно интересным наблюдением. В подтверждение мысли, выказанной Гошилой, можно привести сленгу из «Комсомола» Андрея Платонова, в парадом юных пионеров. Сходный принцип взаимосвязи политиче-

ские мужской власти (и силе) проецирует в форме сексуально окрашенной лексикой, уничижительной для женщины, с целью возбуждения (Богачинский) мужской аудитории» (Гошילו, 1996, 142). Гошילו утверждает, что, перестройкой представляются этот жанр как форму освобождения, это все же освобождение мужчины за счет женщины.

² Примером может служить проперестроечная газета *Vallia*, выходящая с 1990 г. в Прибалтике.

ческого и порнографического находят Гошило и в повседневной практике. Комментируя, например, факты замены портретов Сталина на ветровых стеклах грузовиков изображенными девиц, Гошило приходит к выводу о взаимозаменяемости политических икон прошлого и новых порнографических образов. И все-таки восприятие порнографии исключительно в политических терминах представляется довольно проблематичным. Можно ли смену образов времени на ветровых стеклах грузовиков трактовать иначе? Например, как не совсем предсказуемую реакцию на доступность порнографии, реакцию, ограниченную, впрочем, размером ветрового стекла? Не слишком ли мы на Западе привыкли рассматривать любое проявление русской культуры как политически значимое явление, придавая тем самым сексологии очевидное сходство с советологией?

Мне хотелось бы предположить в этой статье несколько иной взгляд на современную русскую порнографию. Вместо того чтобы рассматривать возрождение этого жанра как одно из многочисленных проявлений перемены патриархальных традиций в новую сферу, мне кажется целесообразным обратиться к анализу порнографических изданий в их *собственной современной контексте* и тем самым сфокусировать внимание на причинах, вызвавших это явление. Осуществив широкую аудиторию с разными вкусами и финансами, обслуживая широкую аудиторию с разными вкусами и финансами, российские публикации включают как обязательные для таких журналов порнографические снимки, так и крайне политизированные и пропагандные тексты, явно выходящие за пределы просто манифестов порно. Вне зависимости от их содержания, самым фактом своего существования эти тексты выполняют легитимизирующую функцию.

На Западе читатель *Плейбоя* может всегда сослаться на обилие в этом журнале интересных интервью со знаменитостями или на публикацию рассказов популярных писателей, камуфлирую тем самым свой интерес к визуальной части журнала. В России, однако, этот процесс легитимации бесспорно осложнен вопросами, связанными с половой и национальной самоидентификацией. Даже беглого взгляда на страницы этих публикаций достаточно для того, чтобы убедиться в почти ритуализованном ошелешивании и подчинении женщины, однако если мужчины, создающие эти тексты и образы, задумаются над объектами своего создания, то окажется, что на деле слабым и повернутым оказывается именно русский мужчина. В мире двузначной реальности, создаваемой на страницах русского порнографического журнала, имен-

но русский мужчина предстает борющимся как с национальным, так и с сексуальным унижением.

Несомненно, необходим крайне осторожный подход к любой попытке обобщения в аморфном мире русских порнографических публикаций³. В данной статье я в первую очередь собираюсь рассматривать «глянцевые» журналы, такие как русское издание *Плейбоя*, журналы *Махон* и *Андрей*. На страницах этих журналов выстраивается, как утверждают редакторы *Махона*, «мир мужчин»; сосредоточенность на маскулинности заложена уже в само название — *Плейбой*, *Андрей* (что в переводе с греческого «мужественный»). Конечно, классификация журнала как «мужского» выполняется, скорее, традиционно лингвистическую функцию. Это — своеобразный код для будущего покупателя, подтверждение наличия порнографии, которую ищет читатель, заверение в том, что он не разочаруется⁴.

Поддержка мужской самоценности

Однако, по моим наблюдениям, уже в самом определении такого журнала, как «*Андрей*», как «русского журнала для мужчин» заложено нечто большее, чем простая классификация для будущего потребителя. Журнал призван приободрить и поддерживать свою слабую мужскую аудиторию. Эти журналы резко отличаются от других популярных порнографических или эротических изданий в России, хотя они и облагают неким поверхностным сходством. Здесь в первую очередь я имею в виду периодически издаваемый латвийский журнал *Еще*, а также такие публикации, как *Мистер Икс*, *Мисс Икс*, *Искушение*, *Бульвар куртой эротики*.

Если так называемые «мужские» журналы вполне конкретно определяют свою аудиторию, то и *Мистер Икс*, и *Еще* не признают никаких ограничений. Публикации *Мистера Икса* состоят в основном из писем читателей; журнал, издавая философию «вседозволенности», группировает читательские письма, объединяя

³ В данной статье термин «порнография» характеризует только печатный материал, рассчитанный на heterosexual'ного мужчину. Отношения от принятого определения рассматриваются особо.

⁴ Здесь следует оговориться, что недавно начавшее распространение русской версии журнала *Men & Heroin* может несколько нарушить это уже укоренившееся представление.

их в постоянные рубрики типа «Бюро сексуальных находок», «*Орден рыцарей сексуального образа*», «*Вулкан двестилетних мальчиков*», «*Зона неистраченной любви*»⁵, не исключая также и рубрик «*Сендров нестандартной ориентации*» и «*Улы голубой любви*». Журнал *Еще* если и отгиается от вышеописанных публикаций, то лишь еще большей «открытостью» как в выборе тем, так и в охвате аудитории. Статьи и письма в журнале описывают все мыслимые и немыслимые сексуальные приключения без каких-либо ограничений в изложении материала. Границы дозволенного безаказанно нарушаются, и постсоветский любитель сексуальных наслаждений оказывается на одном уровне со своими западными собратьями.

Все эти журналы в первую очередь ориентируются на гетеросексуальную «мужскую» аудиторию. Предполагается, что их читатель — русский мужчина, не сомневающийся ни в своей сексуальной ориентации, ни в своей национальной принадлежности. Ни у читателя журналов *Еще* и *Мистер Икс*, ни у их издателей эти факты не вызывают сомнений: маскулинность или национальная гордость не измеряются никакими стандартами, эти качества подражуются сами собой. Темы, затрагивающие подобные аспекты, просто обходятся и не играют существенной роли в публикациях⁶. Действительно, на первый взгляд эти журналы должны оказывать на мужскую аудиторию значительно более положительное и бодрее влияние, чем, например, *Андрей*. Ведь их читатель может погрузиться в мир сексуальных приключений, не задавая себе вопроса о том, преуспел ли он как мужчина и как русский или потерпел полное поражение.

По контрасту, такие журналы, как *Махаон* и в особенности *Андрей*, рекламируют себя, как журналы истинного «арьергарда» русского мужского достоинства. С самого начала публикации журнала *Андрей* очертил для себя особый круг проблем и задач. В первом номере журнала, начавшего выходить в 1991 г., редакторы обратились к своей аудитории со следующими утверждениями:

Перед Вами первый русский журнал для мужчин. Он необходим сегодня, потому что именно мужчины более всего нуждаются в освобождении от спрессованной агрессивности и неудовлетворенности. Их пси-

⁵ В этот раздел включены письма заключенных. Название рубрики восходит к двойственному значению слова «зона» в русском языке.

⁶ Особое место в этом ряду может быть отведено журналу *Еще* как представителю иного идеологического дискурса — об этом см.: Borenstein, 2000.

АХ, «АНДРЮША», НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАЛИ...

холопнская свобода — залог освобождения общества от довлеющих комплексов искаженной эпохи. (Андрей, 1991, № 1, 3)

За семь лет своего существования *Андрей* прошел не легкий путь. После того как большинство сотрудников *Андрея* перешло в ныне исчезнувший из печати русский вариант журнала *Ленинград*, то лишь семь номеров журнала. Несмотря на трудную историю, журнал не изменил своим первоначальным устремлениям бороться за мужское достоинство русского мужчины. Под рубрикой «*Права мужчины*» в каждом номере журнал печатает статьи, в которых описывает все новые угрозы русскому мужскому достоинству. И хотя авторы этой рубрики меняются из номера в номер, неизменной: в начале статьи автор описывает крайности западных «культурных войн», затем он стремится найти параллельные проблемы в России и проанализировать их. В шестом выпуске *Андрея* (1995) под этой рубрикой было опубликовано эссе Виктора Ерофеева «*Полеги обаяка в штанах*»⁷. В *Андрее* публикации этого эссе сопровождалась безвкусной иллюстрацией, изображающей отомную женскую голову с женским символом, свисающим с ее уха, и обвиваясь вокруг маленькой замершей фигурки безликого мужчины, беспомощной жертвы, которую собралось поглотить это неясное демоническое подобие женщины. Застывшая мужская фигура своей неподвижной позой вызвала ассоциации с фаллоиллюстрацией. Мужчина был лишен каких-либо привилегий традиционной маскулинности: напоминал пешку на шахматной доске, озявший ее взглядом Горгоны.

После ставшего уже традиционным обличения феминизма и описания противоречий, связанных с введением на Запале наказания за сексуальные домогательства, что, по мнению Ерофеева, может привести к уничтожению за прошлые грехи просто «веселых бабников»: «ведь стреляли же в нашей стране бывших трюкистов», — автор объясняет читателю, что хотя «судьба мужчин в

⁷ Это эссе позднее вошло в небольшой сборник статей Ерофеева под названием «*Мужские*» (1997) и стало центральным звеном в этой книге, служившей скорее целям саморекламы.

России иная, но она не менее драматична». По мнению автора, русский мужчина не просто побежден, он прекратил существовать как факт: «понятие сохранилось в языке по инерции, по лености ума, в сущности — это фантом, химера, призрак, миф». Аргументация Ерофеева напрямую переключается с задачами, которые ставит перед собой редакторы *Андрея и Мухомор*: «это вопрос самознания прежде всего».

И хотя Ерофеев предпринимает открытый эпатаж, его главный аргумент тот же самый — подьем мужского самосознания: «Мужчина только тогда настоящий мужчина, когда он думает о себе как о мужчине». Благодаря советской власти, установившей, по признанию Ерофеева, русскими мужчинами, мужчина в России потерял честь и свободу, являющийся «трибунами истинного мужского достоинства. Русский мужчина оказался разменным на непонятную комбинацию дефиниций «человека, мужика и мужа», которые вместе и поодиночке представляют собой усеченные неопознанные роли для потенциального настоящего мужчины.

Строго говоря, в этом эссе Ерофеева топография полностью отсутствует. Как тематику, так и полемическое содержание написанного вряд ли можно отнести к разряду новых. Подтверждением этому служат все обширная литература, посвященная плачевному состоянию, в котором оказались мужчины в пост-советское время. Книжки Линны Тарахновой «*Вестимать мужских*» (1992), В. З. Владиславского «*Если ты мужчина*» (1991) объединены общими с Ерофеевым взглядом на русских мужчин как на человеческую разновидность, находящуюся под угрозой вымирания. Однако эти публикации связаны с педагогикой и фокусируются на приобретении молодого поколения к традиционным ценностям мужского характера. Это книги для мальчиков и их учителей. В отличие от этих книг, эссе Ерофеева адресовано его современникам, мужчинам средних лет, которые, при соответствующем подьеме собственного достоинства, сумеют наконец подняться до уровня химерической модели маскулинности. Таким образом, выбор для публикации своего эссе «мужского» журнала для Ерофеева далеко не случаен: где же, как не на страницах такого журнала, можно привлечь внимание гетеросексуальной взрослой мужской аудитории, помещая свой отпус между обнаженными женскими телами с грудью, нарушающей все законы земного притяжения?..

В предисловии к своему рассказу «*Жизнь и переживания Вячеслава Владимировича Войновича*» приводит похожие доводы, которые позволя-

АХ, «АНДРЕЮША», НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАЛИ...

ют ему объяснить читателю, почему он решил печататься в «мужском» журнале:

«Андрей» — журнал для мужчин. Все журналы такого рода приплюсуют читателя изображением голых попок и линок, гонимых автомобиль и сигарет знаменитых марок. Но лучше из них пережевать эти изображения иногда довольно серьезными текстами.

С похожим заявлением выступил в 1997 г. в редакционной статье первого выпуска журнала *Мухомор* Л. Коновалов. Выступая против предпринимаемых правительством мер по ограничению ступей против определения своего журнала как «эротического». Он пишет: «Художественно-публицистический журнал "Мухомор". Он является эротическим изданием. [Его] путь лежит в подержании на то что в этой же статье автор всячески порицает сексуальные меры так называемой «поддержки мужской самоценности» представленные статьями и фотомонтажом, изображающими женщины-мазохисток, принимающих столь желанное наказание от руки мужского достоинства, который избирает для себя журнал *Мухомор*, состоит из странной комбинации сексуального подчинения женщины и продолжительных проповедей об источниках зла русской журналистики». Наиболее полной иллюстрацией этого тезиса, который желает служить цветная карикатура во весь журнал, который желает кнутом блондинку с завязанными глазами. Выатурированный на ее теле двуглавый орел, а также трехцветный шарф с многозначительной комбинацией белого, голубого и красного цветов позволяют предположить, что блондинка символизирует собой Россию. Со стиснутыми зубами, запылятыми, закопчавшаяся задом к зрителю, в то время как из ее влагалища по ответ на огонь нежные чубайсовские ласки слышится в коробку с названием «*Ксероко*» столбчатые бумажки.

Хотя *Мухомор* и видит в лидерах России своих заклятых врагов, это огонь не означает, что журнал испытывает симпатии к Западному чернобильскому катастрофы. Александр Братерский в статье «*Последний десятилетие СССР*» описывает распад Советского Союза как обольщение и изнасилование, сравнивая при этом «желез-

ный занавес» с девственной плевой: «людям, совершившим дефлорацию СССР, хотелось доказательства ее невинности — им хотелось крови» (Братерский, 1995, 24).

В отличие от последователей неприязненного отношения *Махона* как к русским демократам, так и к западной культуре, позиция журнала *Андрей* по отношению к Западу значительно более сложна. Его редакторы сами исповедуют определенные западные идеалы (такие, например, как консумеризм и сексуальная свобода), хотя при этом и злыта на постоянную необходимость соревноваться с Западом. Не всегда последователины и часто противоречащие себе в своих публикациях авторы *Андрея* видят прежде всего два основных «зла», угрожающих мужскому достоинству русского мужчины: это в первую очередь гомосексуализм, а потом уже и весь Запад в целом.

Негативное отношение журнала к гомосексуализму не является неожиданностью, так как редакторы неоднократно заявляли о своих установках на «истинно» мужские роли и ценности. Рубрика «*Путь мужчины*», в которой опубликовал ранее упомянутое в этой статье эссе Ерофеев, представляла в очередном выпуске трибуну «известному колдуну и врачевателю, магистру Белой Магии Юрию Лонго», который начал на страницах журнала развернутую антигомосексуальную дискуссию (Лонго, 1995, 54). Так же как и статья Ерофеева, опус Лонго начинается карикатурным описанием удачнического Запада: на университетских кампусах Америки — там, где, по мнению Ерофеева, и должны подвизаться наказанию бывшие «веселые бабники» — беспомощные студенты подвергаются постоянной обработке при помощи гомосексуальной пропаганды и порнографии. И если кто-нибудь продемонстрирует малейшее отвращение, его фотографиро сразу же помещают в студенческую газету с подписью под ней «гомофоб»⁸.

На фоне непрекращающихся русских обличительных речей против гомосексуализма статья Лонго выглядит примером толерантного отношения к предмету⁹: он убеждает читателя, что «то-

⁸ Здесь Лонго ошибочно употребляет другое иностранное слово — «мизантроп» (1).

⁹ Статья Лонго представляет тему, которую редакция озглавила как «Два взгляда на голубых». Другой «взгляд» принадлежит Василию Аксенову, который в рассказе «*В ритме ливиды*» повествует о русском эмигранте, друг которого умер от СПИДА. Рассказ Аксенова, впервые напечатанный по-английски в американском журнале *Нью Йоркер* в 1995 г., призывает к терпимости по отношению к гомосексуалистам и не имеет ничего общего ни с аргументами, ни с полемичностью сочинения Лонго.

лубые» в действительности не правят миром и что мода на гомосексуальность закончится к 2015 г. Лонго утверждает, что «голубая» субкультура является лишь «тенью нормального мира», и, приводя в качестве литературного примера цитату из пьесы Евреи Шварца «*Тень*», заканчивает свое эссе словами: «Тень, знай свое место». Сам Лонго понимает всю абсурдность помещения гомосексуала непосредственно в тень, следовательно за «нормальным» мужчиной. Лонго даже приходит к заключению, что увеличение количества «голубых» мужчины повышает шансы «нормальных» мужчин в обладании желанными женщинами. Отсюда и названные статьи, и ее последнее заключительное предложение: «Не дышите нам в зад» (Лонго, 1995, 57).

Наш журнал

Рассматриваемая с гетеросексуальных позиций *Андрея* гомосексуальность остается довольно отдаленной опасностью. Более серьезной представляется опасность, уже озвученная в статье Ерофеева и вновь возникающая в русской порнографической прессе. Это — образ западной культуры вообще и западного мужчины в частности. Если русский мужчина стал достойным прошлого, то русская женщина проложает оставаться вполне реальной. «Женщина вся состоит из потребностей. В России сегодня потребности являются великими. Вот почему Россия — женщина», — пишет автор «*Русской красавицы*» (Ерофеев, 1995, 46). И поскольку она, женщина, знает, что в России мужчины больше нет, она готова покинуть страну и искать настоящего мужчину за границей. В который раз мы можем наблюдать, как сексуальная угроза непосредственно связана с экономической: изобразимый в *Андрее* русский мужчина торжко оплакивает необходимость соревнования с мужчиной западным.

Сам же журнал, как и описываемый им герой, страдает как от постоянного соревнования в России с американской поп-культурой, так и от необходимости бороться за рынок сбыта и в первую очередь справиться с угрозой распространения «мужских» журналов, импортируемых из США, таких, например, как русскоязычное издание *Playboy*, содержание которого лишь немногим отличается от его американского варианта. Называя себя «русским журналом для мужчин», *Андрей* тем самым делает ударение как на прилагательном «русский», так и на существительном «мужчина»,

сознательно подчеркивая свое отличие от русскоязычного варианта заокеанского противника.

Еще до появления на российском рынке *Лидейко Андрей* стрелы миссы подчеркнуть «русскость» своих моделей и их окружения. В статье, открывающей пятый номер журнала (1994), его редакторы сетовали на беспорядок и беззаконие в России, на превращение ее в страну третьего мира, на захватывающие рынок дешевые иностранные товары типа сникерсов и пепси-колы.

Обидно? Нам тоже. И поэтому мы работаем без выходных, и поэтому — перед вами новый номер первого русского журнала для мужчин, одного из немногих отечественных продуктов, который не «на экспорт» и за который не стыдно. (*Андрей*, 1994, № 5, 2)

В редакционной статье, открывающей седьмой номер журнала, авторы *Андрея* утверждали, что в отличие от своих оппонентов практикуют более уважительное отношение к русской женщине:

«Андрей» возносит нашу женщину на пьедестал восхищения, а не пытался, подобно журналам-интервентам, которых все больше в киосках, невыгодно и презрительно предлагать ее рылом к иностранным, да еще обязательно так, чтобы «фирменная» модель была БОЛЕЕ сексуальной и женственна. Задача интервентов проста: доказать, что все западное лучше, дороже, сильнее, — и к тому же превратить наших женщин в недорогой, готовый на все предмет экспорта. (*Андрей*, 1995, № 7, 2)

Журнал, который ранее видел себя носителем западных ценностей, тот свободы и демократии, взял открытого националистического тон, сознательно ввел в свой лексикон риторику войны. На его страницах западные журналы предстают как вражеские «армии» в роли «интервентов» и «захватчиков».

Хотя фотографии, рассказы и реклама в *Андрее* демонстрируют привольную и роскошную жизнь, доступную только для самых богатых «новых русских», националистический характер журнала демонстрируется достаточно открыто. Если верить в достоверность журнальной почты, широко цитируемой на его страницах, то этот «патриотизм» нашел отклик в читательской аудитории. Так, например, группа офицеров Балтийского флота в Калининске в лучших традициях коллегивных писем советской эпохи обращается в редакцию *Андрея* с благодарностью за упоминание в журнале трюсовлетства Российского флота:

Вы действительно наш журнал. Наша национальная гордость даже, в какой-то мере. Хотя бывали кое-где и видели много разных мужских

АХ, «АНДРЮША», НАМ ЛИ БЫТЬ В ПЕЧАЛИ...

журналов, а «Андрей» ближе и приятнее нашему советскому человеку. (*Андрей*, 1995, № 6, 4)

Письмо офицеров настолько преисполнено патриотического пыла, что можно просто забыть о том факте, что предметом обсуждения в этом письме является порнографический журнал, а не, скажем, запущенный космический корабль. Ставшая анахронизмом фраза «наш советский человек», помещенная в текст, написанный группой военных, размещенных в независимой теперь Эстонии, только усиливает чувство тоски по российской великодержавности, исповедуемой на страницах *Андрея*.

Однако националистический энтузиазм офицеров по поводу «эротического» журнала может показаться излишним только в том случае, если он будет лишен соответствующего контекста. Выважившем такой торжествующий выплеск журнала (№ 4, 1995) помещена фотозаставка, посвященная трюсовлетствию Русского флота под названием «*Броненосец "Марина" № 1*». На фотографиях изображена обнаженная женщина в одной бескозырке с надписью «*Андрей*», разглащенная на фоне пушек боевого корабля. И текст, и фотографии Алексея Вейслера вызывают сознательные ассоциации с фильмом Эйзенштейна «*Броненосец "Потемкин" № 1*», только в данном случае атипичный смысл и томозротическая эстетика заменены не слишком утонченными стандарными гетеросексуальными трюками. Там, где камера Эйзенштейна фокусируется на телах русских матросов, Вейслер помещает обнаженное женское тело между привлекательными полураздетыми мужчинами. Возвращаясь к конфликту, послужившему причиной восстания на броненосце «*Потемкин*» в фильме, Вейслер описывает этот эпизод, когда матросы в 1905 г. были готовы убить друг друга из-за куска свиного мяса, замечая при этом: «Но сюда бы вместо студента Ульянова — профессора Фрейда». Если бы только модель Марина Павлова была на том корабле, пишет Вейслер, она бы просто крикнула: «Кто хочет попробовать моего мяса?» (Вейслер, 1994, 6).

Свою фантазию на тему «*Броненосца*» Вейслер завершает в духе имитации импиджей ранней советской пропаганды — фотографией полностью одетой Павловой на плечах трех матросов с развешивающимся флагом, но не революционным, а российским. Помещенный вместе с фотографией текст лишь подчеркивает утопический характер изображаемого:

И все перевернулось, как в сказке.
И экран осветился светом.

И словно волна смыла красное с флага над кораблем.

И не было десятилетия штора.

И Крым — наш.

И флот — русский.

Только на заклепанном борту броненосца название.

(*Weiser, 1994, 5*)

Подобное заявление не могло появиться в более политически подхлящивший момент. Широко разрекламированный юбилей русского флота проходил на фоне все возрастающего накала в отношениях между Россией и Украиной по вопросу черноморского флота и судьбы полуострова Крым. И если выпуск журнала *Андрей* 1994 г. и был частично специализированным выпуском для русских моряков, то в этом номере редакторы умело скомбинировали сексуальный и политическую фантазию, в которой вождь женское тело служило посредником в мужском мире броненосца, а столь желанный Крым не надо было ни с кем делить.

РУССКИМ ДУХОМ ПАХНЕТ

Фантазия на тему непрекращаемого господства над такой ценной территорией, как Крым, должна быть очень близка сердцу редакторов *Андрея* — ведь национализм журнала не в последнюю очередь может расматриваться как явление стратегического порядка, как результат борьбы за место на рынке сбыта с русскоязычными *Плейбоем*. С момента своего выхода в России *Плейбой* отказался уступить какую-либо «русскую территорию» своим местным конкурентам. Первый номер журнала лета 1995 г. представлял собой неприкрытую попытку соединения двух, на первый взгляд в корне отличных, культурных традиций: внимание к изысканному и утонченному соединилось с наиболее узнаваемыми русскими культурными символами на страницах обложки журнала. Российский *Плейбой* заявил о своей гибридной культуре иллюстрацией, восходящей к ранней, возможно 1920 г., советской монете, на которой снопы пшеницы были пригнаны опилетворить сельское хозяйство, а помещенные по обе стороны монеты дымящиеся фабрики, подтверждали идею союза рабочих и крестьян. Восходящее солнышко у нижнего края монеты и открытая книга у верхнего служили аллюзией на просвещение, принесенное революцией. Но самый центр монеты, там, где обычно помещался зна-

комый ленинский профиль, на обложке журнала был заполнен развернутым также в профиль зайчиком в «бабочке» — эмблемой *Плейбоя*. В том же номере была напечатана карикатура, изображающая юншей и мужчин с зачуханными ушками, счастливо марширующим зайчиком (*Плейбой*, 1995, № 1, 50). Редакторы журнала утверждали, что *Плейбой* всегда присутствовал в советской жизни, по крайней мере в жизни советской элиты. В интервью под заголовком «*Виктор Сухарев: В мои бабочке*» личный переводчик четырех советских политических лидеров признавался, что всегда привозил журнал с собой из своих зарубежных поездок (*Пинницкий*, 1995, 97).

Артем Троицкий, редактор русского издания *Плейбоя*, рассказывал об отношении России и журнала в течение нескольких десятилетий, уделял особое внимание репрезентации России на страницах журнала. Троицкий начал свою статью с интересной смерти Сталина. Василий Аксенов подтвердил это совпадение в более прямой и откровенной форме: «Новая эра двадцатого века 1995, 94; Аксенов, 1995, 56). Журнал утверждает *Райбул*» (Троицкий, образцом повлиял на послабление моральных норм в России, по-прежнему настанная на том, что проповедуемая журналом этика тоталитарного строя. Даже тогда, когда *Плейбой* предлагает российскому читателю лучшее из того, чем располагает западный секс (включая фотографии обнаженных Урсулы Андерс, Бо Дерек, Синди Кроуфорд и Ким Бейсингер), журнал тем не менее настаивает на своих российских корнях. Парад обнаженных западных звезд в конце концов прерывается фотографией Натальи Неподы, которую журнал объявляет «символом советской сексуальной революции» в связи с тем, что Непода впервые позировала для американского *Плейбоя* еще в 1989 г. (Троицкий, 1995, 33).

Однако после того как журнал прочно обосновался на российском рынке, издателей перестал волновать вопрос о русском названии журнала в середине 1990-х в западное по существу солержатонкой вклады. Напротив, *Андрей*, насколько это возможно, акцентировал свою сосредоточенность на «русском духе», обращаясь к русской и советской истории как с бесхозной кладовой эротического национализма. На шести страницах шестого номера жур-

нада изображены, по всей вероятности, американские порномодели в окружении аппаратуры русской/советской космической промышленности. Так журнал пытается «компенсировать» использование «импортных» красоток, подчеркивая достижения той единственной отрасли российской промышленности, которая до сих пор является неиссякаемым источником национальной гордости. В следующем номере журнала реклама лекарства «Аиджон» строится на очевидной связи между имиджем запускаемой ракеты и мужской потенцией: средства от импотенции помещены рядом с ракетой в форме шприца, отправляющейся прямо в космос. Подпись к рекламе объясняет, что англоговорящие модели выкрикивают только одно русское слово — «*Гауди*». Джессика, Келли и Кристи с энтузиазмом поддерживали идею космического полета. «Га-та-рин!» — весело кричали они, наткнувшись скафандры советских супергероев на свои американские трусы (Кондаков, 1995, 10).

А в подборке, предложенной Василием Аксеновым, но явно инспирированной рубрикой «*Девушки первой декады*», появляются впервые в *Плейбое*, в седьмом номере журнала под заглавием «*Девушки МГУ*» напечатаны фотографии обнаженных девушек, представляющих различные факультеты Московского государственного университета.

Журналы типа *Андрея*, главной экономической задачей которого является продажа сексуальных имиджей русских женщин русским мужчинам, в конце концов возвращаются к основным темам сегоднешнего сексуального дискурса в России: как и где примиряются в сегоднешней России секс и рынок? Если сексуальные метафоры характеризуют «свободный обмен товаров и услуг» между Россией и Западом (собственно источником как рынка сбыта, так и самих жанров порнографии), то как можно утихомирить страсти, спровоцированные коммерциализацией секса, — вторжение в частную жизнь, распространение угрожающих русскому будущему западной роскоши и потенции? *Андрей* указывает верное направление в преодолении этой боязни уже самим фактом определения этих тем, постоянным возвратом к ним на страницах журнала в предельно ироническом, снимающем напряжение тоне. Седьмой номер журнала открывается материалом, в котором эротические ландшафты перестают функционировать как «утро» экзотического русского женшин, а решают знакомую проблему скорее в комедийном плане: светловолосая модель сфотографирована на фоне разных пейзажей Каира и египетской пустыни (а также на разных этапах раздевания). Фотографии помещены под заго-

ловком: «*Сто верблodeв за русскую буршину*». Капиталистический обмен заменен восточной сделкой, а из комментария следует, что цена на русскую девушку скорее мифическая, чем практическая: «Сто верблodeв отправили своим холмом друзьям в Ташикент. Добрая ли?» (Вейсгер, 1995, 50). Фотоэставка построена на раздвиганном чувстве экзотики, а также на основе пародии, возникшей во весь разворот — голая русская красавица, а в углу — закутанная в одежды фигура арабской женщины на тракторе. Контраст между символом «отсталости» — верблodeм и символом «прогресса» — трактором относит читателя к известным социалистическим мифам о борьбе советской власти за цивилизацию Средней Азии, но туда, куда СССР принес коммунизм, *Андрей* сегодня стремится принести сексуальную свободу. Сопровождает фотографию следующий текст:

Журнал для мужчин приветствовали немотивированные освободившиеся женщины с Востока. В качестве солидарности с нашей борьбой за красоту тела одна из них даже забралась на трактор — символ прогресса (Вейсгер, 1995, 49).

Восточный пейзаж позволяет России вновь ошутить миссионерскую роль, знакомую ей еще по дням бытования коммунистического интернационализма, одновременно позволяя выказать обеспокоенность возможностью превращения страны в источник «сексуально-го» экспорта. В этом контексте Россия берет на себя роль Запада, сексуально просвещающего запоздавший угнетенный Восток.

На повестке дня журнала *Андрей* стоит главная идеологическая задача по компенсации травмы, связанной с утратой позиций мирового господства, травмой, переживаемой не только всей нацией, но и, в особенности, русским мужчиной. Секс становится той магической формулой, которая необходима русскому мужчине для того, чтобы справиться с перенесенным шоком. На двух страницах в седьмом выпуске журнала помещена фотоэставка, изображающая полураздетых женщин в форме СССР на фоне Чернобыльской атомной станции, переосмысляющая таким образом национальную трагедию в имиджах с садомазохистской символикой. Обложка третьего номера за 1992 г. представлена фотографией, на которой женщина с автоматом в руках и гранатой позирует перед камерой в одном армейском шлеме и личном нагрудном знаке. Рубрика, которую открывает эта фотография, называется «*Книгер-сид*», она рассказывает о состоянии шока и растерянности, выз-

ванном переориентацией военно-промышленных комплексов в условиях рыночной экономики. Автор этой рубрики, Алексей Вейсгер, представляет читателям фотографии обнаженной гудастой Натальи Сергеевой, претендующей на роль офицера русской армии. Служба в армии, по утверждению автора, не лишила ее «истинно женских» качеств. Вдалекошая с одинаковым успехом как винтовкой, так и сквородой, Наталья поняла, что пришел ее черед покинуть армию. Решение ее обусловлено как личными, так и политическими мотивами: она видит проблему, привлекшие к изменению в стране вследствие поражения политики «холодной войны», в то же время ей уже пора иметь семью. На последней фотографии Наталья стоит на пляже, повернувшись к камере спиной. Фотография сопровождается следующим текстом:

Гвардии сержант Наталья выйдет из кипишето железа войны, как Афродита из пены... Преображенная и ожидающая счастья. Храните ее фотографии, как хранят сувениры, сделанные из корпусов межконтинентальных ракет. В память о конверсии. (Вейсгер 1992, 82)

В таком контексте перемены в жизни военно-промышленных комплексов приобретают прекрасное и почти мистическое значение, так как оказываются связанными с зарождением новой жизни. В то же время атрибуты военной мощи (оружие, камуфляж, армейские сапоги) превращаются в сексуальные символы. В новой жизни милитаризм уступает место порнографии.

Аналогичный процесс можно наблюдать в мляко говора, «странной» рубрике «Чечня: о чем молчат солдаты», представленной в основном выпущке журнала. Здесь фотографии русских солдат в их повседневной реальности перемежаются с эротическими картинками их сексуальных фантазий, изображающих, например, восточных женщин в кожаных корсетах и щелкающих хлыстами. Или другой пример: прыщеватый российский солдатик расседяно уставился себе под ноги, окруженный толпами женщинами, оглаживающими фаллической формы хлеб. Фотографии сопровождаются стихами о невьяказанных солдатских страстях. Две последние странички журнала изображают стреляющих бойцов, в то время как стихи, помещенные здесь же, говорят об их возвращении домой к их «девушкам-соседкам с их упругими задками, которых они по возвращении будут иметь и так и этак, а они (эти девушки) будут рожать им детей». Обнаженная модель, помещенная рядом с этим текстом, действительно выглядит значительно более «мирной», чем предыдущие фотографии. И вполне подходит на роль

«девушки-соседки», а ружье, которое она продолжает держать, — всего лишь пластиковая игрушка. Таким образом, российский солдат изображается мечтающим поскорее вернуться к мирной жизни, в которой война отступает в область фантазии, а настоящей реальностью становится желанная женщина, хотя журнал и предлагает своему читателю в качестве эротического стимулятора и то и другое.

Созданный журналом мир мужской силы и национальной гордости позволяет *Андрею* превратить оскорбительные для российской истории моменты постсоветской действительности в постоянный источник эротической фантазии. Если представить себе все происходящее как постмодернистскую версию библейской притчи о перековке мечей на орава, то ружье, которым с такой нерешительностью размахивает российский солдат, ассоциируется скорее с фаллосом и превращается в длинную розовую пластиковую секс-игрушку, ласкаемую пышной русской красавицей. И хотя Чечня продолжает оставаться внутренним врагом, *Андрей* стремится подчеркнуть особую роль, выполняемую журналом в жизни своего постсоветского читателя: поднять слабейший дух русских мужчин, со всех сторон окруженных враждебными силами.